

Я любая справа или слева от ворот прекрасного «Сайгона»...

ВОЗВРАЩАЕМСЯ К РУБРИКЕ, РАССКАЗЫВАЮЩЕЙ О ПРЕЖНЕМ ПЕТЕРБУРГЕ, ИЛИ ЛЕНИНГРАДЕ, О КУЛЬТОВЫХ МЕСТАХ И О ЛЮДЯХ, ОСТАВИВШИХ СЛЕД В МИФОЛОГИИ ГОРОДА

Герой нашего сегодняшнего рассказа — «Сайгон». Что позволило этому самому обычному советскому кафе, существовавшему в 70-е годы на углу Невского и Владимирского, превратиться в легенду, пополнить число петербургских мифов? Это попытался понять корреспондент «Вечёрки» Федор ДУБШАН.

Женщина стояла у желтой стены дома. На канал Грибоедова с неба валился снег. Хлопья падали на пестрые вязаные изделия — кажется, это были шапочки. Сама женщина была еще более пестрой. Но в этой круговерти были свой порядок и стиль. Заметив, что я замедлил шаги, она улыбнулась мне. Мы разговорились.

— Кларенс, — назвалась она. Это было, конечно, тусовочное прозвище, но приспешее к человеку за годы употребления так, что ей не пришло в голову назваться иначе. А мне — уточнить настоящее прозвище. Кларенс оказалась из породы людей, у которых вся жизнь состоит из бесконечной череды историй — одна пестрее другой, как е шапочки на продажу. Наверное, главное в этой жизни — возможность бесконечно рассказывать другим — любим знакомым или встречным, — что с тобой было. А вот как то раз... Таким персонажам можно не верить, если они тебе сообщают что-то уж совсем невероятное. Но нельзя отрицать какую-то мифологическую силу, с которой эти рассказы тебя ухватывают и утачивают в свою действительность.

— А в «Сайгоне» вы бывали? — робко задает сакраментальный для себя вопрос. И конечно, Кларенс рассказала мне про «Сайгон». Она была как будто его воплощением, эдак незначай появляясь на моем пути. Или, верней, сама эта неожиданная встреча была воплощением духа «Сайгона».

«ЧТО ВЫ ТУТ КУРИТЕ, БЕЗОБРАЗИЕ, КАКОЙ-ТО САЙГОН УСТРОИЛИ»

Дом на углу Невского и Владимирского проспектов был построен еще в конце XVIII века.

Фото Натальи Чапки

ЛЮДИЛА ПРОКОФЬЕВНА, СТЕЛЛА И АЛЛА ТЕЛЕВИЗОР

В «Сайгоне» было 7 или 8 автоматов «Эспрессо» — к ним вечно стояли очереди за чашечкой крепчайшего пережаренного кофе. Варианты были — «маленький простой», «маленький двойной» или «большой двойной». Можно было, уточняя, сколько кипятка налить в чашку, изобре-

Вспоминает петербургский поэт Михаил ЯСНОВ: — Дворец пионеров и «Сайгон» — это, конечно, сообщающиеся сосуды. Почти вся моя сайгонская компания — это были «дворцовские». Мы выросли из «Дерзания» — и все той же командой ушли — на Малую Садовую, не в кафе «Эльф», где тоже собирались люди, — а именно в «Сайгон». «Сайгон» был именно таким местом, куда можно прийти, выпить кофе, дожидаясь «своих» — и отправиться с ними уже на квартиру. Мы часто встречались в «Сайгоне», а потом шли к Марии Мазько — у него была отдельная квартира рядом и замечательные родители, которые часто уезжали на дачу. Это было шикарно. Нам-то было главное, чтоб была комната и стол — чтобы сесть вокруг него и заниматься мироустройством.

тать и свои вариации. «Тройной», например, был совершенно убойной вещью. Кофеварищ тоже различали, знали по именам и брали кофе только у своей. Уважали Людмилу Прокофьевну, другим нравились Алла Телевизор, Стелла или Дюймовочка. Поначалу были пластмассовые столы и стулья, можно было сидеть, но вскоре их убрали и заменили на высокие столики. Теперь присест получалось разве что на подоконник. Это никто не смутило: все торчали за высокими столами и хлебали свой кофе. Я направляюсь в кафе похмельным синдромом объятый Стоя как лошадь в углу кафе с приятелем пить — так написал один из сайгоновских поэтов — Евгений Вензель.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Пьяные разговоры было кому слушать. Предполагаемая норма была — один стукач на каждые пять человек. Об этом знали, но все равно трепались. Кагэбэшники, как все, стояли среди толпы и, как все, пили кофе. «Сайгон» вообще считался специальным проектом КГБ, под который выделен особый отдел. Так что его холили и лелеяли. Доставали кофе для венгерских кофеварочных машин даже в самые тяжелые времена. На почве этого ощущения — «пребывания под колпаком» — сложилось несколько мифов. Существует легенда, что каждый раз, когда начинался дождь или снег, к «Сайгону» приходил «мильтон» и накрывал чехлом часы, висевшие над входом. Считали, что в них была вмонтирована камера (то ли микрофончик), которая передавала картинку (или звук) прямо куда надо.

В одну из переделок «Сайгона» в конце зала появилось зеркало во всю стену. Все заговорили, что вот прямо за этим зеркалом и сидят кагэбэшники: всех снимают и все записывают. Мол, именно поэтому «Сайгон» не закрыли и вообще не пытались в нем «наводить порядок». В «Сайгоне» правоохранительным органам было из кого выбирать. Тут попадались фарцовщики, «книжники» с Литейного, где находился главный городской черный рынок. Были и уголовники. «Немцы», то есть немцы, составляли костяк уголовной среды. Про них было известно, что человека могут убит рублей за триста. Органы сообщали задержанным тусовщикам: «Вы постоянно бываете в «Сайгоне», а там, по нашим сведениям, готовится 70 процентов преступлений центральных районов!»

Во второй половине 70-х годов от полу-дня до часа дня тут завтракали книжные спекулянты от «Старой книги» на Литейном. Примерно на три рубля: два бутерброда с красной икрой, пирожное, кофе и, может быть, сок. Самый «дурдом» начинался после пяти, когда появлялись завсегдатаи. В эти вечерние часы тут скапливался весь питерский андерграунд: нонконформисты, диссиденты, наркоманы, алкоголики, тунеядцы, поэты, художники... Тут играла свою роль особенность ленинградской жизни. Интеллигентной молодежи было много, а рабочих мест для нее — намного меньше, чем в столице. «Сайгон» — чисто ленинградский феномен, хотя москвичи уверяют, что их «Пентагон» был намного лучше. Тут, впрочем, были свои «волны» популярности разных групп. До середины 70-х годов,

Степан ПЕЧКИН, один из известных питерских хиппи, почти сразу же после конца «Сайгона» писал: «Все как-то понимали, что к этому идет, что «Сайгон» превратился в откровенный гадючник, где прилично человеку не то что кофе не попить, мимо не пройти, чтобы его тут же не опустили на прайс, а то и морду набили за просто так, а кому же это понравится? «Сайгон» стал символом одловости, совершенно оторвавшейся от жизни, никому не нужной и загнивающей, — по крайней мере для нас тогда. Прискорбный факт закрытия «Сайгона», который должен был вызвать траур не только в Питере, но и по всей стране, а то и по всему миру, ибо нигде больше нет второго такого центра хайрасто-тусовочной жизни, где без двух месяцев двадцать лет кряду концентрировалось самое передовое в российских тусовках, — так вот, такого траура, однако, этот факт не вызвал, а значит, есть доля истины в моих словах. Кстати, и о попытке вернуть «Сайгон» народу я ничего не слышал...»

например, в заведении заседала компания молодых поэтов и прозаиков — коллег по литературному клубу «Дерзание» при Дворце пионеров (об этом клубе вы очень скоро тоже сможете прочитать в нашей рубрике «Образ жизни». — Ред.). Это были Виктор Кривулин, Евгений Вензель, Виктор Топоров, Николай Беляк, Лев Лурье... К ним примыкали и другие — Виктор Ширали, Геннадий Григорьев, Николай Голь, Елена Здравомыслова. Заглядывали Михаил Шемьякин, Евгений Рейн, Иосиф Бродский.

АНКЛАВ СВОБОДНОГО ПОСРЕДИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Разумеется, никто из собиравшихся там литераторов, кроме профессионального переводчика Виктора Топорова, в то время не печатался. Но воображение срабатывало безотказно: получался такой анклав свободной жизни среди социалистического государства. — «Сайгон» был образом свободного западного мира, Парижа, Ротонды, — вспоминает режиссер Николай Беляк. Впрочем, после Пражской весны 1968 года те, кто имел некоторый романтический флер перед глазами, его лишились. Стало ясно, что «пуцать» никто никого не собирается, и судьба вечных маргиналов со всей определенностью явилась поколению «Дерзания». Они приняли «Сайгон» как свою территорию. Теперь названная кафе окончательно сделалась символическим, связанным с антивоенным движением. ...А в «Сайгоне» 70-х продолжали пить, курить коноплю («план» продавался в соседних дворах — от Невского до Некрасова). Продавали и обменивали из-под полы «пласты» — виниловые пластинки. Тут же можно было приобрести машинописные журналы с тира-

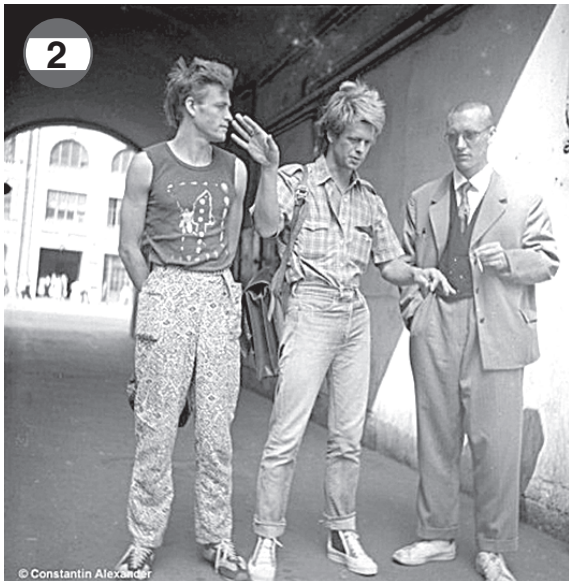
жами в пределах 10 — 20 экземпляров: с июня 1976 года стали выходить литературно-публицистические «Часы», а с осени 1981 года литературный «Обводный канал». Постоянные авторы этих журналов сформировали клуб не признанных молодых литераторов — «Клуб-81», просуществовавший до самого своего роспуска в середине 1989 года. Доставали в «Сайгоне» и запрещенный «Посев». Появлялись здесь и театралы: такие персонажи, как ныне покойный режиссер и киновед Сергей Добротворский или главный режиссер ТЮЗа Григорий Козлов. Постоянно сюда наведывался юный Курёхин, только что приехавший из Евпатории. Заходил и Гребенщиков с «Аквариумом». Все это было еще менее симпатично городским властям, чем вирши восторженных юных поэтов. Вот как его характеризовали: «Сайгон» — злачное место, рассадник все-

го дурного среди молодежи, еще не закрытый из-за псевдолиберализма Куйбышевского райсовета. А вот отрывок из интервью начальника Управления уголовного розыска ГУВД Ленингорблисполкома, опубликованного в «Ленинградской правде» в 1987 году. «Сайгон» сейчас стал центром притяжения наших доморожденных «хиппи», панков и прочей плесени». Под «плесенью», очевидно, подразумевается новое поколение музыкантов, пришедших в «Сайгон» из Рок-клуба. Теперь сюда заглядывают Башлачев, приехавший из Череповца, уфимец Шевчук, москвич Костя Кинчев, Виктор Цой и Олег Гаркуша, Федор Чистяков и школьник Сергей Шнуров. И «Сайгон» почти у каждого входит в песню — одним из базовых и несомненных условий жизни: «Мы познакомились с тобой в «Сайгоне» год назад» — это Майк Науменко. «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...» — БГ. «Стоя у «Сайгона», я гляжу на небо» — песня Федора Чистякова и группы «Ноль» «Школа Жизни». Конец «САЙГОНА» Его несколько раз закрывали на ремонт. И в последний раз — 1 марта 1989 года. Новое десятилетие «Сайгон» не увидел. Когда двери открылись вновь — это был уже салон итальянской сантехники. Парадоксально, что место, где ожидали, искали и находили свою свободу несколько поколений подряд, — расточилось вместе с очередной нашей «тюрьмой народов» и превратилось, в порядке какой-то циничной усмешечки, в царство унитазов. Попытки были — не вернуть «Сайгон», но хотя бы скоротить его по-человечески. В 1990 году Михаилом Шемьякиным и Евгением Рейном была предпринята попытка создать в

бывшем «Сайгоне» мемориальный центр, но эта затея не увенчалась успехом. «Сайгон» в глазах тех, кто его не застал, разросся в нечто совершенно грандиозное, в котел, где варится квинтэссенция творчества и духовных поисков, в закрытый клуб с особой элитной тусовкой, полной персонажей, которых нигде больше в жизни не встретишь. Словом, в новую «Бродячую собаку» или, может, в лавку Смородина, маяк новой духовности. Тут читали стихи поэты 60-х, тут бывали Бродский, Довлатов, Гребенщиков и все остальные рокеры... Все это великолепие с самого момента закрытия подогревалось воспоминаниями очевидцев. Как ядовито пишет Михаил Окунь в рассказе «Невский Укус» (журнал «Нева» № 5 — 2007) — «...Воспоминатель в те годы объявлялось хоть пруд пруди. Одних завсегдатаев «Сайгона» возникло столько, что вряд ли такое их количество могла вместить эта небольшая кафешка на углу Невского и Владимирского за все годы ее существования». В «Сайгоне» не читали стихов. Там царил только кофе и болтовня. В тамошнем гвалте невозможно было что-нибудь расслышать. Приносили, конечно, машинописные листки и книжки, обменивались, покупали. А слушать стихи шли на Литейный или иногда — в «Букинист». Бродский не любил «Сайгона». А в 70-е — 80-е...

— Да там мало кого можно было встретить, — сказала Кларенс. — Вот разве что БГ заходил. Но он тоже редко здесь появлялся. Предпочитал места подороже, покруче. НЕ МЕЧТАЮ ЖРЕБИЯ ИНОГО... В одном из эмигрантских текстов Сергей Довлатов совместил это ощущение от «Сайгона» как от промежуточного, в общем-то, пункта и в то же время — неизбежного связующего звена: «Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой... <-> Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но время и поколение) «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» — салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас — «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив — на расстоянии Литейного — официальных читателей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. ...это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы». Anne Горенко (по паспорту — Anne Карпа), умершей в 1999 году, принадлежат последние «прижизненное» стихотворение о «Сайгоне», в 1988 году сочиненное:

В городе где темные соборы где зато блестящие зазаны я фаянсовый стакан позора жадно выпив жалею смотрит небо не мечтаю жребия иного я любая справа или слева от ворот прекрасного Сайгона. Теперь уже не «справа или слева», потому что никаких ворот больше нет и постояльцы пошли по миру. Остался, должно быть, какой-то «Сайгон» духовный», благодаря которому некоторые на улицах узнают друг друга.

1, 5. Вокруг входа в «Сайгон» толпились тусовщики. В любое время года, при любой погоде (снимок 1970-х годов). 2. В окрестных дворах можно было запросто встретить, например, юного Бориса Гребенщикова. 3. Так выглядел поэт Виктор Кривулин в 70-е годы. Тогда он, впрочем, уже предпочитал «Сайгон» более светские места. 4. Виктор Колесников, он же Колесо. Уборщик, нищий, монах, юридкий. И символ «Сайгона». 6. Таким запомнил «Сайгон» 80-х — времени рок-звезд и расцвета «системных» хиппи — первый митек Митя Шагин. Федор ДУБШАН. Используются фотографии из книги «Сумерки «Сайгона» и с интернет-сайтов